ІЕРОМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ, ЗАТОЧНИКЪ ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Род. 1766 г., † 1847 г. [1]).

I.

, Іеронимъ, Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда Лекшло-Зерской волости, Орловскаго десятка, деревни на Ручью, которая немноголюдна; тутъ-то я родился на свѣтъ, въ 1766 году; имя мое при крещеніи было Дорофей. Отецъ мой былъ той деревни государственный крестьянинъ, Власъ Лаптевъ, а мать Стефанида. Она родила двухъ дѣтей: сына Игнатія и дочь Марію. По зачатію-же меня во чревѣ, отецъ умеръ.

Родины мои были чудны: мнѣ сама мать съ клятвою сказала: счисленія времени родовъ она не знала, а въ одинъ день утромъ затопила она печь въ избѣ своей и, по деревенскому обычаю, начала блины печь; посадила сковороду съ блиномъ на уголье, а сама стоитъ съ сковородникомъ, дабы вынять изъ печки сковороду, когда блинъ поспѣетъ. Тогда-то я, Іеронимъ, изъ утробы матери, какъ стрѣла изъ лука, выскочилъ и ударился головою объ полъ! Матери моей и сковороды, и блина, и меня было жалко: успѣла сковороду вынуть и тогда уже меня оприятала, какъ слѣдуетъ. О! когда-бы милосердный Господь благоволилъ такъ скоро разлучиться душѣ моей съ жизнью сею! Матери моей бѣдной сущей троихъ

---

[1]) Автобіографическая записка, извлеченная изъ дневника іеромонаха Іеронима, умершаго 23-го сентября 1847 г. въ Соловкахъ.

дѣтей кормить и содержать было трудно. Разсудила она меня, по слѣдняго, съ рукъ сбыть. Собрала стараго желѣзишка 17 фунтовъ въ приданое мнѣ и въ октябрѣ, въ первыхъ числахъ, понесла меня младенцемъ сущаго на плечахъ своихъ, въ берестянномъ кошелѣ, изъ дому своего въ Каргополь. Пристала къ нищей старушкѣ, которую я (потомъ) лично зналъ, упросила ее отдать, кому знаетъ, а за то подарила ей желѣза, и возвратилась въ домъ свой, оставивъ меня на волю Божію. Старушка передала меня купцу, промысломъ булошнику, Василью Алексѣевичу Лукину, а женѣ его Акилинѣ Васильевнѣ, у коихъ дѣтей не было. Тутъ-то я водворился. Имя мое изъ Дорофея во Іерофея, по просьбѣ Лукина, перемѣнилъ духовный его отецъ, соборный священникъ, потому что въ домъ Лукина старушка принесла меня 4-го октября, на память священномученика Іерофея, епископа Афинскаго.

Кормилица моя и вторая мать лучше первой, Акилина Васильевна Лукина; она, сверхъ воспитанія усерднаго, учила меня страху Божію въ юности моей и возставляла меня по ночамъ молиться съ нею Богу и носила меня маленькаго въ церковь на рукахъ своихъ къ службѣ Божіей, а какъ побольше сталъ, возила въ саночкахъ и телѣжкѣ. Воскресенскій священникъ Ѳеофанъ Кондаковъ у Лукина выпросилъ меня себѣ въ сына. А у его воеводскій канцеляріи секретарь Пятницкій унесъ меня обманомъ къ себѣ въ холопы. Лукинъ, узнавъ объ этомъ, по суду воеводы Маслова, возвратилъ меня себѣ и болѣе ужъ никому не отдавалъ. Лукинъ меня взростилъ, вскормилъ и вспоилъ. Выучилъ грамотѣ, читать и писать: захотѣлъ меня сдѣлать офицеромъ. Выучилъ играть на флейтѣ-лаверзѣ, опредѣлилъ въ подьячіи копіистомъ въ 1782 году въ Каргопольскій земскій судъ. Взятъ былъ не надолго въ Петрозаводскъ въ канцелярію губернатора Гаврила Романовича Державина писать. Послѣ переведенъ въ Лодейнопольскій нижній земскій судъ столоначальникомъ, и, наконецъ, опять въ Каргопольскій судъ протоколистомъ. Въ службѣ былъ до 1794 года. Я тогда выпросился для богомоленія въ Соловецкій монастырь. Августа 8-го дня я собрался ѣхать и сообщился св. Таинъ у ранней обѣдни въ соборѣ, въ предѣлѣ Софіи Премудрости Божіей. А обѣдню служилъ духовный мой отецъ іерей Василій Алексѣевъ, по просьбѣ моей, и исправилъ молебны въ путь шествующимъ. По выходѣ изъ церкви, взятъ Васильемъ Лукинымъ къ городничему Ивану Дернову и пробылъ тамъ до вечера. На другой день простился я на вѣки съ Васильемъ Лукинымъ и съ супругою его Акилиною и уѣхалъ въ Соловки. Тамъ перезимовалъ и въ 1795 году вышелъ въ отставку губернскимъ регистраторомъ.

Во время моего пребыванія въ Соловецкомъ, Василій Лукинъ умеръ ноября 11 го числа 1794 года, а Акилина Лукина умерла марта 4 го числа 1795 года; домъ и имѣніе все досталось мнѣ. Домъ свой уступилъ (я) дядѣ своему, по матери Акилинѣ, Алексѣю Свѣшникову за 700 рублей, а остальное имѣніе расточилъ по церквамъ на поминовеніе душъ ихъ, а себѣ взялъ только денегъ 115 рублей на дорогу до Питера и до поступленія въ монастырь.

II.

Опредѣлился (я) послушникомъ въ Невскую лавру, а потомъ перепросился въ другой и 1799 года марта 4-го дня, было въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста, послѣ утрени, постриженъ въ монахи въ Хутынѣ монастырѣ, по благословенію преосвященнаго Арсенія, епископа Старорусскаго, который послѣ былъ въ Воронежѣ и тамъ скончался. Постригалъ намѣстникъ, игуменъ Товія; сей послѣ былъ въ Казани и тамъ скончался. Воспріемнымъ отцомъ былъ іеромонахъ отецъ Петръ, ученикъ старца Паисія Молдавскаго; а 17-го апрѣля 1799 г. произведенъ (я) въ іеродіаконы. 1800 г. перешелъ жить въ Москву въ Новоспасскій монастырь. Тамъ, 1808 г. декабря 4-го дня, посвященъ въ іеромонахи преосвященнымъ Іоною, митрополитомъ грузинскимъ, жившимъ на покоѣ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ 1810 году я перешелъ жить въ Синодальный домъ и стоялъ въ Успенскомъ соборѣ при мощахъ святителя Филипа, до нашествія въ Москву французовъ. Вотъ ужъ мѣстечко славное для монаха! Избави Господи всякаго отъ него! Я нагоревался тамъ. Послѣ-же французовъ удалился я на Кубань въ Екатеринолюбежскій монастырь, и здѣсь я своими руками похоронилъ воспріемнаго отъ монашества своего отца Петра; онъ прежде меня сюда перешелъ и скончался въ январѣ 1814 года и того-же года я выбылъ изъ онаго монастыря, для излѣченія болѣзни своей, въ Ставрополь, на теплыя воды. А потомъ возвратился въ Россію и опредѣлился въ Свирской монастырь. 1820 года я получилъ паспортъ идти въ Іерусалимъ и какъ путь пресѣкся, то жилъ съ тѣмъ паспортомъ въ разныхъ монастыряхъ и, наконецъ, поселился въ Тихвинѣ. Изъ него я пріѣхалъ въ Петербургъ 24-го числа декабря 1829 года и остановился на квартирѣ въ Староладожской часовнѣ. Ходилъ къ военному губернатору Павлу Васильевичу Кутузову, хлопотать себѣ для перемѣны іерусалимскаго паспорта. Онъ приказалъ сходить въ газетную экспедицію и напечатать въ газетахъ

о моей отлучкѣ; я исполнилъ и было троекратно публиковано въ газетахъ.

Сбирался уже ѣхать чрезъ Москву въ Николаевъ и далѣе въ Іерусалимъ, но попалъ въ крѣпость сице: 16-го января 1830 года полицейскій чиновникъ, если не ошибаюсь, Филипъ Васильевичъ, спрашиваетъ меня: „Вы ли іеромонахъ Іеронимъ?“ Отвѣчаю: „Я, что вамъ угодно?“ Говоритъ: „Вы ѣдете въ Іерусалимъ и потому одинъ господинъ желаетъ васъ взять съ собою, который туда-же отправляется и хочетъ васъ видѣть!“ Я весьма обрадовался сему и поѣхалъ съ нимъ на извощикѣ. Ѣдучи спросилъ, гдѣ онъ квартируетъ? Отвѣчалъ: „скоро увидите“. Подъѣхали къ крѣпости къ комендантскому крыльцу, повелъ меня въ комнаты. Я ничего худаго не предвижу и радуюсь доброму товарищу. Г-нъ комендантъ, Александръ Алексѣевичъ Сукинъ, выходитъ и говоритъ мнѣ, что меня приказано тутъ задержать; я ему объявилъ только: воля ваша. Внутренно смутился духомъ отъ внезапнаго происшествія и пришло на мысль: не демонъ-ли перенесъ уже меня въ Царьградъ? Тамъ-бо свойственно монаха православнаго терзать. И какъ меня свели и до нага раздѣли въ казематѣ худо помню. Опамятовавшись, увидѣлъ сидящаго при себѣ капитана Федора Ивановича. Онъ вопросилъ меня о причинѣ заключенія. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. Пришелъ плацъ-маіоръ Василій Федоровичъ Подушкинъ и тотъ спрашивалъ, но я ничего отвѣчать не могъ. Пришелъ самъ комендантъ, сѣлъ на стулъ и сей вопрошалъ о томъ же, прибавя: „отецъ! я христіанинъ и русскій, скажи мнѣ свою вину, я могу тебѣ пособить“. Отвѣчалъ: „если я утаиваю свою вину и послѣ она обнаружится, тогда наплюйте мнѣ въ лицо“. Ушелъ комендантъ. Послѣ сего мнѣ сдѣлалось дурно и пошли страшныя мысли... Я просилъ капитана дать мнѣ, если можно, лекарства. Спасибо г-ну капитану: далъ онъ мнѣ и тѣмъ отвратилъ приближающійся мнѣ ударъ. Хотя и сдѣлался я боленъ, но не умеръ.

4-го февраля 1830 года объявили мнѣ предписаніе генерала Бе(н)кендорфа, въ коемъ велѣно написать, что я хотѣлъ генералу Грейгу объявить. Написалъ своею рукою и послано. 19-го марта меня самого возили къ Бе(н)кендорфу; тутъ то я и познакомился съ фонъ-Фокомъ; сей ласково говорилъ, но сдѣлалъ обманъ. Отвезли паки въ крѣпость. Потомъ свезли меня къ прокурору Мещерскому; сей ни слова не глаголалъ, а отправилъ въ синодъ. Тутъ то-же молчаніе. Комендантъ крѣпости и прочіе чиновники въ обращеніи со мною были весьма благосклонны. Покой мой душевный и тѣлесный былъ сохраненъ. Жизнь моя по

содержанію приличному званію и здравію пищѣ сохраняема ими была такъ хорошо, что я лучше сего никогда во всѣ сорокъ шесть лѣтъ въ монастыряхъ не видалъ. Ощутивъ такое въ душѣ моей желаемое спокойствіе, многократно и почти ежедневно объявлялъ я, Іеронимъ, всѣмъ своимъ благодѣтелямъ, что желаю остаться въ крѣпости навсегда и по самый гробъ; они всѣ смѣялись надо мной и, какъ видѣлъ, почитали меня дуракомъ. Они думали, видно, какъ и Крыловъ стихотворецъ, что я какъ мышь въ сыру находился въ монастырѣ. Я, грѣшный, протолковалъ имъ, что монастырь нынѣ (1830 г.) для монаха не сыръ, а Вавилонская пещь. Если кто будетъ подобенъ тремъ отрокамъ онымъ, того орошаетъ благодать, но, напротивъ, многимъ онъ ощутителенъ пламень ея. Благодѣтели мои потребовали отъ меня поясненія на сей терминъ и я пространно съ опыту сказалъ имъ истину.

Я, грѣшный Іеронимъ, живучи въ монастырѣ, не столько досадовалъ на бѣсовъ, которые обижали меня, какъ досадовалъ на пищу и питіе, представляемые мнѣ и которые чинили ежедневное здравію тѣлесному поврежденіе. Нынѣ (1830 года) въ модѣ есть у людей монаха считать свиньею, такъ и пищу ему такую даваютъ. Но каково тому монаху будетъ, который свиньею не бывалъ, а свинной пищи и поневолѣ поѣсть? Онъ, бѣдный, по пріятію пищи сей, до самаго изверженія оныя вонъ мучится, какъ родильница. Ей, ей, ей! А какъ облегчиться въ томъ? терпѣніемъ единымъ. Радъ иной бы пособить и другимъ способомъ, но не позволяютъ средства. Неудобоваримая въ желудкѣ пища такое разстройство дѣлаетъ въ тѣлѣ, что и душа, находящаяся въ немъ, до безконечности разстраивается. Иныя бѣдняжки думаютъ въ случаѣ семъ облегчить себя сивушкою, на мгновеніе утоляющею боль, но и болѣе того повреждаются. Выслушавъ мое объясненіе, осматривали они другъ на друга, удивлялись моему объясненію и замолчали.

При освобожденіи меня изъ крѣпости я всеусердно благодарилъ благодѣтелей моихъ, за содержаніе тамъ меня, грѣшнаго. И недалеко перешелъ на Васильевскій островъ въ святѣйшій сунодъ. Здѣсь былъ двѣ недѣли, страстную и свѣтлую. Тутъ давали мнѣ на содержаніе, кажется, 32 коп. въ столицѣ. Но спасибо находившимся тамъ солдатушкамъ, они собственнымъ своимъ кускомъ дѣлились со мною, Христа-ради, не зная моей невинности. За что воздастъ имъ Богъ, а наипаче вышеописаннымъ благодѣтелямъ моимъ петропавловичамъ. Сіе учиненное мнѣ добро во вѣки не забуду. Воспомянется оно и въ будущей жизни. Лиха же Іеронимъ тамъ поминать не станетъ. Оно поминается только здѣсь, при случаѣ.

Потомъ. 22-го числа апрѣля 1830 года, притарабанили бѣднаго Іеронима въ Архангельскій городъ въ тамошній тюремный замокъ. Хотя тамъ холодно, но неголодно. Христолюбцы прокормили меня: даруй, Господи, имъ велію милость. Изъ Петербурга въ десять дней на перемѣнныхъ меня тарабанили. Путь послѣдній дорога худая, ѣдутъ скоро. Я голову свою полотенцемъ привязывалъ уже къ плечамъ своимъ, чтобы не отвалилась отъ качки. Такъ разбойниковъ и душегубцевъ не возятъ, какъ везли меня. Есть за кого и за что Бога помолить. Ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости Господи! Въ замкѣ, въ покоѣ, данномъ мнѣ для житья, висѣла рукомойка на веревочкѣ, которую смотритель отвязалъ и положилъ въ карманъ, а рукомойку поставилъ на окно. Я спросилъ: для чего онъ это учинилъ? Сказалъ: „изъ предосторожности“, т. е. чтобы я не задавился. Согрѣшилъ я грѣшный, возразилъ ему: „передавятся скорѣе бѣси, которые меня въ команду тебѣ отдали“. Тутъ-то въ замкѣ позналъ я, Іеронимъ, монашество свое, въ какомъ оно находится въ Россіи (1830 г.) положеніи. Я уподобилъ его находящейся въ Москвѣ подъ Даниловымъ развалившейся Гусятниковой фабрикѣ. Когда Гусятниковъ живъ былъ, то и фабрика была хороша. Умеръ Гусятниковъ—и фабрика опустѣла. Доколѣ живъ былъ покойный митрополитъ Гавріилъ, монаховъ въ ссылку не возили; скончался владыко, потарабанили и Іеронима. Приведу одно оскорбленіе, коснувшееся души моей, бывшее 26-го числа мая 1830 года.

Когда надо было отправить изъ Архангельска въ Соловецкій, то одѣли меня въ рясу и клобукъ по монашески въ тюремномъ архангельскомъ замкѣ и велѣли идти къ лодкѣ. Я вышелъ изъ замка, окружили меня три солдата съ ружьями и съ примкнутыми штыками и за мною шли два квартальныхъ. Мнѣ представилось, что меня не въ лодку ведутъ, а на мѣсто казни, ибо такъ я видалъ, какъ кнутомъ сѣкутъ. Подумайте, какъ мнѣ тогда не сконфузиться? Я чуть съ ума не сошелъ. Не зная за собой никакой вины, а съ безчестіемъ такимъ публично идти! при томъ же городъ мнѣ довольно знакомъ и я довольно имѣю знающихъ меня людей, а былъ Духовъ день и многое множество народа глядѣло на позоръ сей и дивились, за что то бѣдный Іеронимъ страдаетъ? Отчего у меня на головѣ и теперь еще волосы дыбомъ встанутъ, какъ вспомню. Но не столько было бы мнѣ безчестія, если бы я въ простомъ платьѣ веденъ былъ, а ругательство надъ образомъ монашескимъ несноснѣе всего. Къ несчастью же большому препроводили меня въ ссылку въ Соловецкій адъ, т. е. въ Соловецкій острогъ.

Ей истинно, тутъ (въ Соловкахъ) при Досифеѣ адъ существо-

валъ, а не такъ, какъ теперь, въ нынѣшнее время; тутъ два года съ половиной мучился, да на Голгоѳской каланчѣ болѣе же двухъ годовъ. Все это прошло и какъ бы не бывало. Слава Богу о всемъ! Невинность моя въ семъ происшествіи меня веселитъ и отъ Христа Бога моего не отлучило меня происходящее. Не остави мене, Господи, грѣшнаго и впредь! Попалъ я грѣшный на какого-то боярина Фонъ-Фока и сей упряталъ меня въ ссылку; а самъ уже въ могилѣ. Пчела, ужалившая кого-либо, сама умираетъ впредь всегда.

III.

Фонъ-Фока я не зналъ кто онъ такой, да и знать не хочу. Какъ я съ нимъ познакомился—кратко напишу. Читая описаніе Крыма отъ путешественниковъ и видя состояніе тамошняго Херсонска (Херсонеса), яко-же и древней Палмиры, сожалѣлъ душою, что мѣсто, гдѣ начало воспріяла Россія, чрезъ св. князя Владиміра христіанской вѣры, забыто почти вовсе. А самъ я, Іеронимъ, бывая въ Старой Ладогѣ, неоднократно смотрѣлъ на обветшалыя зданія царя Рюрика, прискорбленъ былъ, что и тутъ начало скипетродержавія Россійскаго въ забвенномъ находится положеніи. Помышляя о томъ, что когда-либо Господь Богъ, любящій Россію и спасшій отъ варвара Бонапарта, вложитъ кому либо въ сердце мысль прославить и поновить означенныя мѣста. Наконецъ, въ бытность мою въ Тихвинскомъ монастырѣ узналъ, что Николаевскаго и Севастопольскаго портовъ начальникъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ вознамѣрился соорудить памятникъ въ Херсонѣ и чрезъ сношенія о семъ съ митрополитомъ Серафимомъ приглашаетъ въ помощь вкладчиковъ. Сколь я бѣденъ ни былъ тогда, десятокъ рублей (ассигн.) подписалъ. А за усердіе генерала Грейга, въ добромъ дѣлѣ, послалъ ему съ почтою благодарность чрезъ письмо и просилъ, не возможно ли ему будетъ потщитися о учиненіи и въ Старой Ладогѣ памятника Рюрику. Онъ, по милости своей, отозвался ко мнѣ въ Тихвинъ отвѣтомъ; что не вправѣ находится онъ создать памятникъ Рюрику. Я на сіе послалъ ему еще письмо, объявляя, что намѣренъ скоро быть въ Николаевѣ и тогда лично поговорю его высокопревосходительству что знаю. Послѣ сего изъ газетъ узналъ, что генералъ-адмиралъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ на Пулковской горѣ воздвигъ обсерваторію; доброе дѣло. Съ нея будутъ смотрѣть планеты и созвѣздія воздушныя и примѣчать измѣненія оныхъ.

Но когда-бы вразумилъ его Богъ поставить въ Старой Ладогѣ хотя

бы соломенный громовой отводъ и того довольно было бы. Сей бы указалъ зрителямъ, что въ 1862 году исполнится тысяча лѣтъ, когда существовалъ тутъ царь Рюрикъ. И съ Пулковской горы смотрятъ астрономы, съ Рюрикова же дворца смотрятъ монахи и размышляютъ о временной жизни и видятъ гдѣ нынѣ древности: Сузы, Дельты, Спарты, Лакедемона, Помпеи, Геркулана, Итики, Карѳагена, Ѳивъ, Палмиры и иныхъ? И гдѣ нынѣ Сезостристъ, Александръ Македонскій и Бонапартъ? Сего ради и попеченіе свое полагаютъ не о земномъ, а о небесномъ, все суета суетъ! Не печалуй, бѣдный Іеронимъ, что монахи находятся въ забвеніи у міра. Вспомни, какъ въ 1812 году во время французовъ въ Москвѣ заботились о сохраненіи святаго мура! Если бы не Симоновскій отецъ архимандритъ Герасимъ Князевъ потщился сохранить оное, то навѣрно ради драгоцѣнности сосудовъ серебряныхъ досталося въ руки французовъ, которые вылили бы оное изъ сосудовъ вонъ. Для отвезенія святаго мура даны были кляченки худыя, едва ноги волочили: это я самъ выдѣлъ и до Ярославля провожалъ. А театральныя декораціи и кулисы тройками мчали изъ Москвы мимо святаго мура, лишь пыль столбомъ валитъ. Вотъ усердіе христіанъ. Въ Китаѣ бонзы, въ Турціи дервиши, а въ Россіи хотя для близиру все таки будутъ монахи.

При раззореніи Іерусалима въ колодецъ былъ брошенъ священный огонь, а потомъ найденъ паки. А въ остаткахъ иночества, какъ въ пеплѣ, сыщется искорка желающему спастися. Слава Богу и о семъ! Въ 1812 году въ Москвѣ товарищи мои сохранили свою собственность, а я по примѣру покойнаго симоновскаго архимандрита Герасима, да и по совѣту его, сохранилъ все драгоцѣнное сокровище патріаршей церкви 12-ти Апостоловъ, а свое все имѣніе погубилъ. Это забыто все. Нынѣ вѣрно походитъ монахъ на игрушку ребячью, или Бибиковъ сарафанъ: когда нужно—почитаемъ, а не нужно—подъ лавку бросаемъ. Герасимъ получилъ звѣзду, а я титулъ: „мнимой тайны и вздорнаго". Чего отъ роду не имѣлъ и не имѣю. Скажутъ мнѣ, если ты, Іеронимъ, безвинно заточенъ, для чего не просишь объ освобожденіи? Для того, чтобы вмѣсто Соловковъ не упрятали въ каторгу. Это изъ сего видно. Избави Господи всякаго русскаго отъ безумія сего. Французскій епископъ, не помню Боссюетъ или Массиліонъ, говоритъ: „всякій гражданинъ долженъ пещися объ общемъ благѣ и не дожидать чтобы наводненіе достало дверей его дома". А мы не французы, должны осторожнѣе ихъ быть. Они испили чашу горькую и не дай Богъ больше видѣть имъ.

Если бы нѣкто Майборода, какъ и Сусанинъ, не объявилъ о плутовской шайки Пестелевой, то что бы тогда было? Самъ суди! И я грѣшный по несчастью моему услышалъ слова: „у насъ (въ Россіи) милліонъ четыреста тысячъ массоновъ (т. е. плотоносныхъ дьяволовъ), это все Пестелы". Могъ-ли я такое адское проповѣданіе пропустить! Я знаю, что масоны люди скверные и Богу и Царю ненавистные и враги клятвенные; истинные же поклонники сатаны. А потому и желалъ чрезъ добраго христіанина довести о семъ до правительства для свѣдѣнія и больше ничего. За сей поступокъ мой захватили меня обманомъ въ Петропавловскую крѣпость и послѣ того содержали въ ужасной Соловецкой тюрьмѣ безъ всякой другой вины слишкомъ два года, а написали, что Іеронимъ посланъ за „мнимую тайну и вздорный нравъ". Прекрасно. Я пишу сіе предъ смертнымъ уже часѣ моемъ. И если случится кому узнать невинность мою, то прошу не вдаваться въ ошибку мою и не понести напрасно Соловецкой ссылки, которую я грѣшный испытываю на себѣ. А объ избавленіи изъ оной никогда не имѣлъ и не имѣю намѣренія моего; но прошу милосерднаго Бога Господа моего Іисуса Христа да до конца оную стерплю. И къ болѣзни язвъ моихъ приложища, ждахъ бо со скорбящаго и не обрѣтохъ: всѣ оставили мене, яко же злодѣя. Надобно же подражать по силѣ моей Господу Іисусу Христу, висящему на крестѣ: онъ безъ грѣха, а я со всячинкой; но не учинилъ вины къ ссылкѣ несносной моей и несвойственной сану моему. Не простиралъ словесе своего къ глухимъ аспидамъ и не произнесу, Іону пророку подражая: „понре глава моя въ расели горъ" и прочая.

Господь услышалъ и послалъ свыше помощь свою отъ небесныхъ круговъ. Благо есть надѣятися на Господа, Ему же слава во вѣки. И я, грѣшный, Іеронимъ, какъ Іона китомъ поглощенъ нынѣ Анзерскимъ островомъ, и не вѣмъ, гдѣ будетъ мнѣ конецъ. Уже могилъ себѣ наготовилъ съ десятокъ въ разныхъ мѣстахъ и теперь здѣсь одна предъ моими глазами, но повелѣнія свыше еще нѣтъ вселиться въ нее. Буди воля Господня.

И такъ 42 года въ монашествѣ препроводилъ, много монашескаго платья износилъ, и почтенія отъ людей наслушался: „Ваше преподобіе, ваше преподобіе", а и подобія не мà. А отъ бѣсовъ многовидныхъ ругательствъ, за усердную мою имъ службу и теперь гнѣваются они на меня, что нахожусь не въ силахъ исполнять волю ихъ. Милосердный Господи! Іисусе Христе Боже Мой! помилуй мя, грѣшнаго, и подаждь ми слезъ источники, да омыю скверну прегрѣшеній моихъ и отъиду въ могилу мою, да

и тѣло оставлю въ ней до общаго воскресенія, а душу мою до дне онаго вчини, идѣже воля Твоя святая будетъ. Нѣкоторые черницы, зная мои именины, говорили: „пора тебѣ, Іеронимъ, опять быть Іероѳеемъ, т. е. посхимиться, а я твержу, что меня въ 1812 году въ Москвѣ французы хорошо посхимили, огладили до чиста. Нынѣ же въ ссылкѣ еще лучше того просхимили. И такъ я не схимникомъ уже себя считаю, а просхимникомъ. Аминь.

IV.

Я вижу, что нажить милліоны легче, нежели нажить вольную нищету, которую и теперь еще пріобрѣсти не могу, хотя безпристрастію моему къ имѣнію виновникъ мнѣ былъ, жившій въ Анзерахъ, іеромонахъ Арсеній, котораго я видѣлъ въ первый мой пріѣздъ въ монастырѣ. Онъ былъ мужъ поистинѣ богоугодный и въ схимѣ скончался во св. Аѳонѣ, имя ему тамо было Адамъ. Желалъ бы я умереть при гробѣ его, но не успѣлъ убраться, а попалъ въ ссылку по крайней мѣрѣ на прежнее его жилище. Мужъ сей богоносный Арсеній объявилъ мнѣ тогда о себѣ, что онъ пришелъ въ Анзеры жить по наслышкѣ о безмолвномъ мѣстѣ семъ и говорилъ: правда мѣсто безмолвное, но обстоятельства весьма тѣсны, по монашески жить мѣшаютъ. Прибавилъ онъ: св. апостолъ Павелъ по приходѣ его въ Аѳины, если бы не нашелъ тамъ Діонисія, Тимоѳея и Іероѳея, то безполезенъ бы приходъ его былъ. Св. Григорій Синаитъ пришелъ на Аѳонъ и немного нашелъ безмолвниковъ, живущихъ по книгѣ Исаака Сирина. А я, бѣдный, говорилъ онъ про себя, въ Анзерахъ и слухомъ не слышу о безмолвномъ житіи, кромѣ одной пустой житейской суеты; пособи, Господи, убраться отсюда, и убрался.

Послѣ того и до сего дня, ни въ Соловки, ни въ Анзеры ни одинъ подобный Арсенію монахъ и глазъ не показывалъ и едва ли покажетъ. Я, грѣшный Іеронимъ, живу здѣсь поневолѣ, дѣлать нечего. Израильтяне при рѣкахъ Вавилонскихъ на вербахъ повѣсили органы свои, а мы четки свои здѣсь повѣсили же и оттого бѣси ругаются намъ прекрасно. Како явимся на судъ предъ Христомъ? не вѣмъ. И поневолѣ, подобные отцу Арсенію люди прячутся подъ навозную кучу, дабы не видать и не слыхать ничего неподобнаго. Нынѣ діаволъ во адѣ для нынѣшнихъ (1842 г.) монаховъ роетъ глубокую яму; посему и намъ не надо зѣвать.

На послѣднемъ ночлегѣ, во гробѣ, съ Копосовымъ и Барановымъ разочтемся (это были товарищи мои въ мірѣ, которые наторговали милліоны въ Петербургѣ). Господинъ Копосовъ сманивалъ меня изъ Невской лавры въ товарищи къ купцу Петелину для услуженія, но самъ давно въ землѣ, а я еще обитаю на ней и своей нищеты съ милліонами его никогда не хочу сравнить.

Киселевъ въ Шуѣ богаче Копосова былъ, но онъ всегда завидовалъ моему бѣдному житію: онъ житія моего не зналъ и почиталъ, какъ истиннаго монаха.

Когда я прибылъ въ первый разъ въ Соловки въ 1794 году жить, прошло уже 48 лѣтъ. Тогда я ржаной хлѣбъ и квасъ предпочиталъ всякой пищѣ и по неискусству дивился тѣмъ старцамъ, которые прихотничали, по мнѣнію моему, и искали булочки бѣлой. Но какъ препроводилъ 48 лѣтъ на капустныхъ монастырскихъ безсочныхъ (безпитательныхъ) щахъ и довелъ чрезъ то желудокъ свой до такого несчастнаго положенія, что ради продолженія жизни не могу прибрать удобоваримой желудкомъ пищи, то ржаной хлѣбъ содѣлался мнѣ кирпичемъ, коего если поѣлъ, то чувствую такую боль, какъ бы кирпича поѣлъ. Никакая приманчивая пища мнѣ не льститъ и не привлекаетъ къ себѣ, всѣ они мнѣ не въ охоту наскучили; радуюсь, когда обрѣтаю по мысли кусочекъ чего либо. Завидую тѣмъ старцамъ, у коихъ желудокъ переваривaетъ ржаной хлѣбъ. А жалованье монастырское ассигнаціями 100 рублей въ годъ употребляю на чай: это вещество нынѣ дорого, а безъ него скучно быть, тѣмъ почти и согрѣваюсь. Сивухи же соловецкой какъ демона боюсь, она хуже чумы. Горе содружающемуся съ нею и хотящему иночествовать. Аминь.

Іеронимъ

Примѣч. Іеромонахъ Іеронимъ въ Соловецкомъ патерикѣ, кромѣ перечисленія его скитальчества по разнымъ мѣстамъ, охарактеризованъ такъ: „будучи близко знакомъ съ Фотіемъ, впослѣдствіи Юрьевскимъ архимандритомъ, Іеронимъ узналъ отъ него о распространеніи въ обществѣ масонства и противныхъ православію ученій и рѣшился

донести правительству. За это донесеніе онъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и переведенъ подъ строгій надзоръ въ Соловецкій монастырь. Хотя Іеронимъ и не учился въ школахъ, но при обширномъ умѣ онъ самъ образовалъ себя духовнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ духовными старцами, съ которыми приходилось встрѣчаться на жизненномъ пути. Онъ имѣлъ увлекательный даръ слова и рѣдкую силу убѣдительности, совѣты его были особенно полезны для боримыхъ помыслами и смущаемыхъ совѣстью. Наставленія его, основанныя на опытѣ, были истиннымъ врачествомъ духовнымъ. Въ послѣднее время онъ велъ дневную запись своихъ мыслей, представляющую много любопытныхъ психологическихъ данныхъ".

Іеросхимонахъ Іеронимъ почилъ съ миромъ о Господѣ въ Анзерскомъ скитѣ 1847 года, сентября 23 дня, 82 лѣтъ.

